

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ CURRENT PROBLEMS OF PUBLIC ADMINISTRATION

DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-1-7-24

Research article

Современные источники и метаморфозы политической власти: критический анализ

В.А. Каламанов

Международный центр устойчивого энергетического развития
под эгидой ЮНЕСКО
ул. Кедрова, 8/1-2, Москва, Россия, 117292

Аннотация. В статье анализируются процессы трансформации и модификации политической власти, обусловленные процессами глобализации. На основе широкого спектра социально-политических теорий и концепций автор рассматривает проблемы государственного управления, дезинтеграции, политической стабильности государственной власти перед лицом современных вызовов и угроз. Отдельное внимание в статье уделяется критическому анализу современных теорий «конца власти», «ретротопии» и «текущего общества». Автор показывает как значительный эвристический потенциал данных концептуальных моделей, так и ограниченность их возможностей для интерпретации современной социально-политической реальности. В статье делается вывод о том, что трудности реализации государственного управления в современных условиях не умаляют безальтернативности и значения качественного государственного управления, требования к которому также возрастают.

Ключевые слова: власть, управление, суверенитет, глобализация, «цветные революции»

Введение

Как известно, политическая власть существует не в вакууме, вне зависимости от социальных отношений и взаимодействий. Власть не безлична, ее характер меняется в зависимости от того типа элиты и тех источников, на которых она основана. Классический подход рассматривает политическую

© Каламанов В.А., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

власть прежде всего как способность управления и контроля, присущую государству как «уникальному коллективу», «политическому союзу». Нужно отметить, что сущность власти неоднородна. Политика, по мысли М. Вебера, есть ни что иное, как стремление к власти [1. С. 370]. Верховность власти предполагает, что существует главный источник власти, которую институт государства разделяет на различные ветви, создавая систему «сдержек и противовесов», или соединяет их в одном авторитарном единстве.

Попытки определить источник власти прослеживаются в истории политической мысли, начиная с Античности. Протоверсия теории общественного договора зародилась в политической мысли Античной Греции. В диалоге Платона «Критон» многие видят греческую версию общественного договора и ее решающее значение в выборе Сократа.

Теория божественного происхождения власти берет свое начало в мифотворчестве, сопровождающем институт становления власти со времен Древнего мира. Всякая цивилизация в своем начале, будь то Китай, Индия, Древний Египет и другие, а также христианские монархии основывались на ощущении божественной иерархии, проекцией которой была иерархия земная. В обществах, где была установлена монархия, вплоть до эпохи великих революций, единственным легитимным источником власти признавалось сакральное начало Бога. Власть же государя являлась прямой проекцией божественной воли на Земле. Царские династии были не просто легитимной элитой, но «избранниками Божьими», «Божьей милостью» и «Божьей Волей» [2. С. 21]. Ритуал помазания на царство представлялся актом божественного избрания. В теории божественного происхождения власти считалось, что все люди рождаются подданными, и, начиная с власти родительской, человек обучается повиновению. Царь выступает хранителем государства, и правота народа заключается в почитании и вере в тайну божественного происхождения власти правителя.

Нужно отметить, что вопрос политической власти является одной из центральных проблем христианской теологии. Христианство имеет парадоксальные отношения с Богом. Воплотившийся Бог «с человеческим лицом» является Царем небесным и Земным, в то же время, как совершенное существо, он автономизируется и выпадает из реальной жизни общества, предоставляя человечеству свободу выбора в отношении власти Бога и своей судьбы. Бог стал настолько трансцендентным и почитаемым абсолютным началом, что процесс секуляризации стал неизбежным. Христианство создало власть в институте католической церкви, в Византии же власть государственная и власть религиозная слилась в симфонию при императоре Константине на первом Вселенском Соборе в 325 году.

Наиболее серьезное развитие в эпоху Раннего Средневековья теория божественного происхождения власти получила в трудах Августина Блаженного, особенно в работе «О граде небесном», и Фомы Аквинского, который логически развивал аргументы, приведенные Августином. В трудах Фомы Аквинского власть государственная должна быть подчинена власти духовной.

Марсилий Падуанский, написавший труд «Защитник мира», выдвинул мысль о разделении законов и, соответственно, власти на духовную и «человеческую». Впервые была выдвинута идея блага народа как источника власти. Из посылок, аналогичных мыслям Фомы Аквинского, были выдвинуты совершенно противоположные положения: о неправомерности церковного суда и его вмешательства в дела политического характера, о необходимости отмены инквизиции, о веротерпимости.

Вообще нужно отметить, что христианская теология амбивалентна: защищая власть, она сама представляет собой теорию низвержения любой власти. Так, К. Маркс, несмотря на свое сложное отношение к евангельскому учению, признавал революционный потенциал христианской теории. Эта парадоксальная амбивалентность может объясняться, с одной стороны, пониманием опасности безоглядного злоупотребления властью, с другой – верой в волю Бога как единственную по-настоящему легитимную власть.

Следующий шаг был сделан Гуго Гроцием, который писал о естественных правах каждого человека и приоритете народного права над концептом «божественного права». Первичный источник власти в обществах, пришедших вместе с Реформацией, – это народ или нация, если речь идет о национальном государстве. Расцвет теории общественного договора приходится на эпоху Нового Времени. Ее наиболее видные представители – Т. Гоббс, Дж. Локк и Ж.-Ж. Руссо видели источник власти в общественном договоре, прекратившем «войну всех против всех» (Т. Гоббс). Общественный договор выглядит актом коллективной воли, способствовавшей переходу от догосударственного существования к становлению суверенного государства-нации. Государство как политический институт учреждено для обеспечения всеобщего мира и безопасности народа-суверена. Так источник власти и ее гарант – суверенитет государства-нации был десакрализован. На смену сакральному началу власти приходит концепт народа как единственного суверена политической власти государства.

Как известно, 3 Статья Конституции Российской Федерации гласит: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ». Далее пункты 2, 3, 4 данной Статьи гласят, что народ осуществляет свою власть прямым способом посредством референдума или через органы государственной власти.

Демократические процедуры являются формальным инструментом осуществления политической воли общества и способом делегирования власти. Источник власти, передающий ее властной группе, фактически обладает номинальными ресурсами власти. Делегируя власть, народ утрачивает ее. На переломных этапах своего развития народ может решить фундаментальный вопрос в духе «быть или не быть». Однако кроме основного источника власти, служащего и ее сакральным основанием – воли народа, существуют и иные источники власти. Традиционно к источникам власти, которые являются и ресурсами для ее поддержания, относятся монополия на насилие (силовой ресурс), богатство (экономический ресурс), культурно-информационный ресурс, традиции, политическая и административная организация [3].

Классик общественно-политической мысли М. Вебер определяет три источника власти: традиции, харизма и сила принуждения, основанная на позитивном праве. Государство как «политический союз» может обладать всеми тремя источниками власти, но монополия на легитимное насилие является основной отличительной чертой государства.

Эти и другие теории политической власти опирались в своих положениях на понятие суверенного государства-нации, где главным источником власти является либо народ-суверен, либо сакральное божественное начало, признаваемое народом.

Метаморфозы власти: текущая современность и утрата суверенитета

В конце XX века, после фактического крушения Вестфальской системы международных отношений, появляется тенденция к ущемлению, деградации суверенитета как основополагающего принципа существования государства. Деятельность транснациональных корпораций, создание международных организаций и наднациональных политических союзов привело к «расползанию» государственной власти. Известный социолог Зигмунд Бауман предлагает понятие «текущая современность» [4. С. 37], главной отличительной чертой которой является ненаправленность общественных перемен. Текущая ситуация, возникшая между разрушением старого порядка и становлением нового, получила название «*interregnum*» (дословно «междущарствие»)¹. Однако «*интеррегнум*» и отсутствие конвенциональных правил игры означает хаос. Тесная связь между нацией, территорией и государством все больше размывается, а «мощь» как структурная составляющая политической власти переходит в глобальное «пространство переплывов» (термин М. Кастельса). Ослабленные глобализацией государства пытаются взвалить на себя глобальные функции, но адекватных инструментов международного уровня для решения таких задач еще просто не существует. Уже состоявшаяся «отрицательная» глобализация породила новые методы управления государством на уровне внешнего кураторства – так называемые «бархатные» или «цветные» революции.

«Цветные революции» как политическая технология дестабилизации власти

Революции в XXI веке стали технологией свержения власти в сравнительно технически развитых обществах, имеющих при этом серьезные соци-

¹ Понятием «*interregnum*» («междущарствие», «межвластие») в Древнем Риме назывался период между смертью одного цезаря и приходом к власти другого. Обычно этот период характеризовался нестабильностью, неопределенностью, массовым страхом. Именно так объясняет нынешнее состояние мира З. Бауман, когда пишет о том, что «старое уже не работает, а новое еще не родилось» [4].

альные проблемы и дисбалансы. Масштабные процессы дестабилизации, обозначаемые термином «современные революции», сегодня становятся распространенным способом внешнего управления обществом, одним из методов социальной инженерии. Они лишены непредсказуемости революций XX века. Конечно, им присущи многие признаки, характерные для революционной динамики прошлого, однако современные революции не предлагают реальной социально-политической альтернативы сложившемуся статусу-кво, но, как правило приводят страны в состояние хаоса, нестабильности и отсутствия нормально функционирующей государственной власти. Не имея собственной идеологии, «цветные революции» и массовые протестные движения опираются на расхожие политические клише. «Аппарат согласия», сформированный в виртуальном пространстве, усиливается за счет анонимности виртуальной публичной сферы. Содержание современных революций выхолощено, однообразно и подчиняется их форме, то есть символические и коммуникативные аспекты участия превалируют над политическими. Однако за внешней яркой формой стоят технологии искусственной дестабилизации, смены власти и разрушения функционирующих государственных институтов.

Нестабильность внутривластной ситуации увеличивается за счет того, что решительные действия власти затруднены, и подчас легитимный политический режим оказывается фактически парализован из-за гуманистических и правовых установок, не позволяющих применять силу и репрессии по отношению к гражданским лицам, участвующим во все более радикализирующихся массовых протестах. Жертвы, даже немногочисленные и случайные, становятся «революционными мучениками», что усиливает недовольство властью, пытающейся отстоять свой статус.

«Бархатные революции», подкрепленные теоретическими обоснованиями идеологии «ненасильственного сопротивления» Дж. Шарпа [5] и других деятелей, стали широко применяться как метод протестной инженерии. Важной причиной уязвимости многих государств перед такой формой воздействия оказывается их устаревший инструментарий для решения подобных проблем или вообще его отсутствие. Давление на власть и представляющий ее государственный аппарат, постоянное конструирование триггерных точек конфликтной мобилизации общества становится важной и привычной деятельностью СМИ, как международного, так и национального уровней. Как показывают многочисленные примеры, внешнее давление на внутривластный процесс и общественное сознание вносит важный вклад в дестабилизацию ситуации в стране.

Таким образом, очевидно, что вовлеченность внешних сил в современные революционные процессы в разных странах и регионах мира значительно возросла. Идеология «массового неповиновения» Дж. Шарпа стала философией протестной инженерии на основе применения «мягких» коммуникативных методов, представляющих собой вызов национальным государствам, на который все еще не выработано эффективного и решительного ответа. Во многих странах власть оказывается неспособна оперативно принимать решения, используя свою политико-правовую монополию на насилие. Стратегия

«управляемого хаоса», последовательно применяемая в ходе «цветных революций» и «арабской весны», стала практическим развитием запущенных ими процессов. Ослабленный суверенитет множества государств позволяет применять методы современной протестной инженерии для создания затяжной ситуации «управляемого хаоса».

Доктрина «управляемого хаоса» является разработкой американского дипломата С. Манна. В основе этой идеологии лежит беспринципная эксплуатация назревшей «критической ситуации» в странах-объектах в интересах внешних заинтересованных акторов. Среди эффективных инструментов создания «критической ситуации» выделяются навязывание раскалывающих общество рыночных реформ по принципу шоковых терапий и создание сетей агентов влияния. Примечательно, что одним из значимых инструментов здесь является размывание традиционных ценностей общества и национальной культуры. После прохождения определенной точки «невозврата», обычно сопряженной с человеческими жертвами, социальная система погружается в состоянии массовой истерии и утрачивает способность регулировать текущую ситуацию ввиду тотального разложения социальных институтов и защитных механизмов.

Виртуальное пространство также становится значимым полем реализации политической деятельности различных политических сил. Искусственное нагнетание нестабильности, как правило, происходит сперва в виртуальной сфере, после этого образовавшийся накал эмоций выплескивается в пространство общественных отношений. Стандартным инструментом инженерии революций является «приватизация» общественного протеста. В контексте типовой модели современной революции исчезает необходимость в наличии признанного лидера и единой идеологии. Игровая составляющая горизонтальных протестов, революционный спектакль (на определенных этапах способный принимать карнавальные формы) достаточно условны, но, как правило, приурочены к социально значимым событиям, затрагивающим все общество. Одним из основных способов подрыва стабильности политической системы являются кампании по непризнанию легитимной власти в ходе выборов. Уже традиционным способом оправдания насильственной и неконституционной смены власти стала постулируемая борьба за «честные выборы», направленная на демонизацию правящего режима. Политический спектакль протеста происходит по заранее отработанному алгоритму, получая драматическое освещение в мировых СМИ. Таким образом, глобальный внешнеполитический контекст имеет важное значение для анализа современных революций, что позволяет определять их как деструктивные методы достижения конкретных целей в большой геополитической игре.

Обращает на себя внимание и тот факт, что движения и организации, стоявшие за революциями, например, «арабской весны», оказались тесно связаны с террористическими движениями, а методы их действий также нередко сближались. Возможно, это позволяет объяснить фактическую и исключительно щедрую поддержку многими государствами определенных сил и милитаризированных движений, считающихся в их официальной риторике

«экстремистскими» или «террористическими». В первую очередь это относится к таким державам, как США, Катар, Саудовская Аравия, и их попыткам оказывать силовое давление на политическую волю других государств посредством поддержки радикальных исламистских и националистических сил. Подобные методы «силового умиротворения» и «принуждения к демократии» привели к возникновению новых видов угроз, в том числе для самих США и эскалации многих региональных конфликтов.

Фундаментальный концепт международной системы в краткосрочную эпоху «однополярного мира» – «демократический мир», со всей очевидностью нивелируется. Демонтаж Ялтинско-Потсдамской системы мироустройства приводит к фактическому разложению исторически сложившихся институтов международного политического взаимодействия. Для трансляции воли немногих «истинно демократических государств» целые регионы остального мира должен находиться в состоянии «управляемого хаоса». На смену Ялтинско-Потсдамской системы международного равновесия пришла неустойчивая система «многополярного мира», при сохранении стремления отдельных государств к гегемонии и доминированию. В условиях глобализации это становится возможным благодаря использованию доктрины «управляемого хаоса» и искусственному применению соответствующих технологий.

«Мягкая сила», примененная для дестабилизации политического режима или государственного переворота в других странах, становится маркером великих держав, которые стремятся к превращению в глобальные державы со значительным потенциалом транснационального влияния. Политическая нестабильность становится необходимым условием для реализации стратегии «управляемого хаоса» и давления на существующий легитимный политический режим.

Новые основания, парадигмы и проблемы осуществления власти

Сегодня центральной становится проблема новых оснований для политического управления на разных уровнях: государственном, региональном и глобальном. Этим основанием снова становится сила, однако каковы ее современные источники, кто и каким образом может ее использовать?

Ответ на эти вопросы пытается дать нашумевшая работа Мозеса Наима «Конец власти». Столь радикально характеризуя современные «сдвиги» власти, Наим, сам в прошлом являвшийся политиком, приходит к выводу о ее распаде («disruption») и мутации. И дело не только в том, что происходит распыление властного ресурса между национальными, наднациональными и транснациональными акторами. Изменения гораздо субстанциальнее – неважно, какая партия побеждает на выборах, и какой политик приходит к власти, он все менее способен навязывать свою волю, управлять и контролировать общество. При этом, по мнению М. Наима, в современных условиях «легковесы» даже получают преимущество перед «тяжеловесами», так

как они менее связаны, имеют меньше обязательств и действуют намного оперативнее. Таким образом, от закосневших корпораций реальная власть уходит к энергичным новичкам и новаторам, от политических режимов – к управляемым толпам на площадях и в киберпространстве: «Повстанцы, маргинальные политические партии, инновационные стартапы, хакеры, сетевые активисты, гражданские СМИ, молодые люди на городских площадях сотрясают основы старого порядка» [6]. Все это – симптомы фундаментальной мутации власти, которую в XXI веке «проще получить, но труднее использовать и легче потерять». Прогноз автора тревожен – грядущий хаос и конец стабильности. Однако возникают большие сомнения в состоятельности подхода М. Наима и тех масштабных обобщений, которые он так решительно делает. Автор собрал огромное количество разнообразных событий и фактов, призванных проиллюстрировать выдвигаемые тезисы. Однако в действительности заметно, что эта подборка оказывается весьма однобокой, свидетельствуя скорее о временной разбалансировке соотношения сил, которое уже выравнивается. Таким образом, многое из того, что Наим приводит в качестве основных трендов будущего, уже утратило свою актуальность за несколько последних лет. Например, М. Наим утверждает, что на Ближнем Востоке «повстанческие» подразделения и толпы протестующих оказываются намного сильнее авторитарных правительств. В действительности это была лишь иллюзия первых военных успехов экстремистских группировок (в деле разрушения собственных стран). И уже очевидно, что даже эти сомнительные успехи, которым приходит конец, были бы недостижимы без подпитки «легковесов» со стороны других государств. Сложно согласиться и с тезисом о том, что многочисленные «гаражные» стартапы перехватили инициативу у крупных корпораций и вытесняют их с рынков. Причины упадка ряда прежних лидеров бизнеса следует искать скорее в их собственных ошибках, нежели в неспособности выдерживать конкуренцию с малым бизнесом. Конечно, власть может развиваться, переходить в разные формы, распределяться более равномерно (или, наоборот, неравномерно). Но при этом власть никуда не уходит.

Важную роль в современных властных конфигурациях играют неправительственные организации, точнее те из них, которые ориентированы на политическую деятельность. Уже в начале XX века теоретики анархического толка (например, П.А. Кропоткин) отмечали важность создания общественных организаций как будущего средства разрушения правительственных структур и свержения режимов.

Действительно, нередко деятельность некоторых НПО, тем более действующих на международном уровне, вызывает беспокойство государственных органов: они могут выступать как инструменты влияния, «иностранные агенты», заниматься разведывательной или подрывной деятельностью. Многочисленные НПО, создающиеся под благовидным предлогом «продвижения и защиты демократических принципов и гражданских свобод», являются на самом деле серыми социальными лабораториями по сбору политически значимой информации, на основе которой создаются каналы постоянных

финансовых траншей для поддержки оппозиции. Агенты МНПО, транслируя волю настоящих руководителей и спонсоров, занимаются в других странах рекрутингом удобных кандидатов на позиции «лидеров несистемной оппозиции», их финансовой и информационной «накачкой» и созданием вокруг этих личностей консолидированного круга сторонников.

Так, например, в официальном документе «Основополагающие принципы статуса неправительственных организаций в Европейском Союзе», который был утвержден на 837-м заседании Совета Европы, содержится целый набор рекомендаций для НПО по неповиновению законной государственной власти, ее размыванию и подрыву путем создания параллельно функционирующих институтов².

В основе деятельности многочисленных МНПО лежит доктрина глобального «экспорта демократии». Либеральная идеология стала средством навязывания своих интересов и разрушения негодных политических режимов, а нередко и целых стран вместе с ними. Негосударственные политические акторы (НКО, ТНК, международные организации) создают транснациональную систему с собственными технологиями властвования, параллельную системе национальных государств. Огромный комплекс производств, управленческий аппарат, находящийся вне государственных границ, но использующий территорию государств и нормативное поле, приводит к изменению института политического влияния. Четкой границы между крупным капиталом частных фирм и государственными органами больше не существует, каждая из них становится продолжением другой.

Параллельно происходит процесс размывания границ или рамок власти государств: территориальных, юридических, геополитических. Причем это процесс характеризуется ярко выраженной амбивалентностью: принципы, идеологии, стандарты, правовые нормы западных стран перешагивают их национальные границы и широко распространяются в мире, в то время как другие государства, наоборот, вынуждены приспособляться и отказываться от части своего суверенитета.

Создается международная судебная система, параллельная национальным правовым системам. После распада СССР Соединенные Штаты старались максимально размыть границы, чтобы распространить свою власть на другие страны – в итоге происходит навязывание законодательства США в качестве примата (что вызывает аналогии с политикой Римской империи). Данный процесс сопровождается опасным педализированием политики экстра-территориальности решений американских судов, далеко не являющихся образчиками объективности и независимости.

Для того, чтобы оценить актуальные тенденции и возможные метаморфозы политической власти в современном мире, необходимо подчеркнуть не-

² Основополагающие принципы статуса неправительственных организации в Европе. Решение Комитета Министров Совета Европы, 837-е заседание от 16.04.2003. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-npo.nsf/5b338ac59d39b715c32571070037609f/6f61ae15f2d1473dc3257107003d30c0!OpenDocument>. Дата обращения: 10.10.2018.

предложный принцип, заключающийся в том, что *источником власти является народ. Власть – производная от народа*. Общество обладает значительным арсеналом инструментов и институционализированных механизмов влияния на власть. И, конечно, сама логика общественного развития предполагает дальнейшую эволюцию и диверсификацию каналов коммуникации общества и власти и механизмов их взаимовлияния. Однако власть отнюдь не сводится к выполнению «заказов» общества и ее деятельность не ограничивается повесткой наиболее влиятельных групп интересов. Власть должна не растворяться в обществе, а стоять над ним, но при этом не отдаляясь от общества. Власть должна служить обществу, но при этом управлять им, не только претворять в жизнь его цели и ценности, но и самостоятельно формировать их. Поэтому, отношения власти и общества должны определяться в первую очередь внутренней логикой национальной социально-политической эволюции, а не внешними процессами, трендами и инициативами.

Ключевым инструментом влияния общества на власть являются выборы. Основной политической ресурс организованных общественных интересов – это голоса на выборах, которые они могут получить и тем самым установить канал связи с политической системой, приобрести политическое представительство. Партии и организованные группы интересов могут заявлять власти о своей воле посредством легитимных политических и правовых процедур.

Правовое поле является одним из каналов политического влияния на государственные органы организованными группами интересов. Причем обращает на себя внимание тот факт, что активно действовать в правовом поле могут и люди без юридического образования и какого-либо институционального статуса – например, правозащитники. В то же время нормотворчество является одним из инструментов реализации политического процесса по причинам не всегда ясного характера юридических норм, неполноты и пробелов регулирования, искусственного затягивания принятия необходимых законопроектов.

Важную роль арбитра между властью и обществом выполняет Конституционный суд – орган конституционного контроля, в компетенцию которого входит оценка соответствия правовых норм Конституции. Конституционный суд (в отличие от всех прочих судов) вправе отменить закон или иной нормативный правовой акт в случае признания его неконституционным. В разных странах мира существуют различные модели конституционного контроля. В ряде государств нет конституционных судов, но конституционный контроль осуществляется либо всеми судами общей юрисдикции, либо Верховным судом. Изучение опыта разных стран мира (в том числе и России) свидетельствует о том, что место и роль Конституционного Суда в системе государственной власти гармонирует с системой конституционно закрепленных сдержек и противовесов и обеспечением гарантий их применения. Конституционный Суд – это очень важный инструмент демократии, значение которого, к сожалению, у нас в стране сегодня недооценивается. Ведь он обязан рассмотреть дело, даже если обращение поступило от одного челове-

ка. В связи с этим вызывает крайнее удивление сравнительная незагруженность Конституционного Суда делами. Он должен издавать неизмеримо больше вердиктов по сравнению с тем, что мы наблюдаем сегодня.

Политическое влияние распространяется также посредством определенных инструментов, не обладающих четким правовым статусом. Основной из них – институт лоббирования. Так или иначе, лоббистская деятельность существует во всех странах, но во многих из них она регламентирована законом. Как известно, страна, где наиболее развит лоббизм – это США, там приняты несколько федеральных законов, официально регулирующих лоббистскую деятельность. Первый – это первая поправка к Конституции, которая являлась гарантией права граждан отстаивать свои интересы перед лицом власти и подавать петиции с жалобами. Основным законом, который не менялся вплоть до 1996 года, обязывал лица, занимающиеся лоббированием, регистрироваться в нижней палате Парламента. В 1938 году был принят известный закон «FARA», ужесточивший регистрацию «иностранных агентов», в том числе и для предотвращения советской пропаганды.

Лоббирование является неоднородным инструментом политического влияния и возможностью доступа к «каналам власти» для социальных групп, не имеющих прямого доступа к регулированию политического процесса. И если элита осуществляет «экспертную» политическую деятельность, то группы интересов посредством прямого или косвенного лоббирования осуществляют «интерактивное» взаимодействие с властью и воздействие на нее. «Интерактивная» деятельность организованных групп интересов поддерживается благодаря информационному ресурсу.

Народ может влиять на власть и посредством протеста против политического курса или конкретных политических решений. Этот протест может выражаться в разных формах: молчаливом неподчинении, создании теневых структур, параллельных официальным, открытом политическом протесте, который может привести к делегитимации правящего режима как крайнему средству давления на власть. Однако несмотря на то, что власть не может лишить народ права на протест, в современных реалиях для самого общества оказывается намного лучше, если этот протест протекает в правовых и мирных формах.

В современном мире интенсивные трансформационные процессы приводят к появлению все большего количества слабоуправляемых или неуправляемых ситуаций для национальных государств, правительства которых сталкиваются с проблемами управления. Многие функции государства (фискальные, управленческие и др.) стало значительно сложнее реализовать в текущих условиях. Ресурсы власти, как политические, так и экономические и информационные, распределяются между более широким спектром сил и игроков, в том числе внешних, транснациональных и наднациональных. В условиях размывания власти политический центр может пытаться усиливать свои властные возможности за счет авторитарных решений, необязательно встречающих поддержку общества. Однако изменение власти отражает тенденции изменения самих обществ. В последнее десятилетие много пишется и

говорится о том, что меняется власть, даже сама ее природа. Но нам представляется, что в действительности запаздывает общественно-политическая мысль, обращая внимание в первую очередь на верхушку айсберга – то есть на политическую власть. В первую очередь, меняется именно общество, а власть сегодня во многих случаях не имеет достаточных инструментов для того, чтобы определять или возглавлять процесс общественного развития, а вынуждена следовать за ним и приспосабливаться к нему.

В современной общественно-политической мысли существуют разные подходы, описывающие социальные трансформации в глобальном масштабе. Одной из наиболее интересных представляется концепция «текучего общества» (или «liquid society»), предложенная известным социологом З. Бауманом. «Текучим» и неопределенным современное общество (в первую очередь, разумеется, автор указывает на западные страны) делает отсутствие твердого стержня: это общество без цели, без устойчивых ценностных ориентиров, без крепких социальных связей, где идентичность является функцией рыночных отношений.

Бауман стремится заглянуть очень глубоко и приходит к выводу, что в мире произошла социальная революция, в результате которой сегодня «кочевники» доминируют над «оседлыми» людьми и народами³, то есть человеческая история как бы поворачивается вспять. Точнее, в современных реалиях получают значительные преимущества люди, социальные группы, компании, непривязанные к одному месту, стране, экономике, культуре и этим, действительно, напоминая кочевников. Мобильность, скорость, непривязанность, пластичность, отсутствие твердых убеждений и верований, умение подстраиваться под постоянно меняющуюся ситуацию – вот, по мнению З. Баумана, обязательные слагаемые успеха в современном западном обществе, его антропологическая модель и эталон. «Текущее» общество характеризуется следующими особенностями.

Индивидуализация и атомизация общества дошла до предела⁴. Индивид заменяет гражданина.

В нем происходит непрерывный поиск новизны, культивируется постоянная изменчивость, фетишизация всего нового.

Власть отдаляется от общества. Истеблишмент все более транснационализируется, утрачивая географическую, экономическую и мировоззренческую привязку к своему народу [8].

Таким образом, у политиков исчезает возможность свободного и последовательного целеполагания, к тому же такое целеполагание (то есть

³ Следует заметить, что здесь З. Бауман далеко не оригинален. Похожие выводы, только почти на три десятилетия раньше сделал Ж. Аттали, предложив понятие «неономады» [7].

⁴ «Этот важный отход выразился в смещении этического/политического дискурса с фрейма “справедливого общества” на фрейм “прав человека” <...> “Нет такой вещи, как общество”, – объявила Маргарет Тэтчер. Не смотрите назад или вверх; смотрите внутрь себя, где предположительно находится ваша собственная хитрость, воля и власть, – все те инструменты, которых может потребовать усовершенствование жизни» [4. С. 37].

собственно, выполнение властью своих функций) неизбежно воспринимается наиболее мобильной и «современной» частью общества как попытка сформулировать и навязать сверху тоталитарную повестку.

В итоге получается постоянно находящееся в подвешенном состоянии общество дезориентированных индивидов, утрачивающее способность справляться с новыми вызовами и обеспечивать устойчивое социальное воспроизводство. В отличие от обществ с твердым и устойчивым культурным ядром «текущее» общество, по мнению З. Баумана, порождает «текущий страх» («liquid fear»). Источник и направленность этого страха не вполне ясны для самого общества, что провоцирует поиск конкретного врага и резкий рост правого популизма по всему миру. Смутный, «текущий» страх, генерируемый самим обществом, очень удобно использовать власти для манипуляции и управления таким обществом или его составными частями. Вспомним, например, «кампании страха», направленные на то, чтобы отвлекать общество от важных внутривластных вопросов [9] или технологии конфликтной мобилизации меньшинств и протестных групп.

Если раньше опора на страх рассматривалась преимущественно как атрибут диктаторских режимов, то в XXI веке массовые страхи «общества риска» и текущую хаотизацию мировой политики и экономики наиболее последовательно пытаются эксплуатировать правительства западных стран, опираясь на стратегию «управляемого хаоса». Политическая практика подтверждает действенность соблазна управления через «контролируемый хаос» и порождаемый им страх [10; 11]. Игра с хаосом осуществляется в разных масштабах и на основе широкого спектра различных технологий. Очевидно, что организация массовых протестов с целью повлиять на решения власти, громкие политические убийства «сакральных жертв» или информационная травля Президента Д. Трампа – это примеры «умеренной» внутривластной игры с хаосом. Еще более рискованными являются «игры» с терроризмом, радикальным национализмом, военные угрозы и провокации, искусственные кризисы, гуманитарные катастрофы и пр. Принцип один – раскачать и обострить ситуацию, а затем попытаться использовать образовавшийся хаос в своих целях.

Конечно, практика «управляемой» дестабилизации в собственных интересах далеко не нова. Причем это касается как внутри-, так и внешнеполитических процессов. Однако авторство геополитической теории «управляемого хаоса», широко используемой для дестабилизации политических режимов по всему миру, все-таки принадлежит американским политикам и политтехнологам, имеющим прямое отношение к организации «цветных революций», являющихся наиболее деструктивным проявлением данной стратегии. Политика, направленная на подрыв конституционного строя и свержение избранной власти в другой стране, сегодня уже не приравнивается к агрессии, постепенно становится чем-то нормальным, привычным, естественным, тем более что обычно она маскируется апелляцией к «ценностям более высокого порядка, чем национальный суверенитет», например, к пресловутым «правам человека». Однако за такими широкими и нормативно

перегруженными внешними заявлениями, как правило, стоят узкие и конкретные национальные и даже корпоративные интересы. По признанию С. Манна, «наш [американский] национальный интерес приоритетнее международной стабильности. В действительности, сознаем это или нет, мы уже предпринимаем меры для усиления хаоса, когда содействуем демократии, рыночным реформам, когда развиваем средства массовой информации через частный сектор» [12].

Очевидно, чтобы стратегия работала, хаос нужно применять дозированно, в зависимости от страны и региона. Хаос также порождает общественный страх, который можно умело направлять и капитализировать⁵. Однако собственно «управляемость» хаоса как инструмента принуждения и управления сильно преувеличена. *Власть, заигрывающая с хаосом и внутри страны и вовне, очень рискует*. Негативные последствия таких политик могут проявляться сразу или позже, косвенным или неочевидным образом, но они неизбежны.

В связи с этим обращает на себя внимание ключевой глобальный тренд: *в современный период Запад пошел на дестабилизацию мировой системы с целью сохранения своих пошатнувшихся позиций в мире*. К этому политическое руководство западных стран подталкивают следующие объективные процессы.

– Замедление экономического роста и затянувшийся кризис. При этом все больше говорится о системном кризисе неолиберальной экономической политики, предложенной в 1990-е годы всему миру в качестве безальтернативной.

– Западные «глобальные» ценности все больше входят в противоречие с интересами других стран. Поэтому ООН остается основной площадкой для коммуникации между странами, и никакой замены ей не существует. Кризис ООН обусловлен попытками США и их союзников взять организацию под свой полный контроль, что значительно снижает ее эффективность.

– Многочисленные опросы общественного мнения в разных странах показывают снижение престижа США, неуклонно идет процесс снижения гегемонии Запада над миром.

– Центр экономического развития перемещается в Азию.

– Центральным международным конфликтом сегодняшнего дня стал конфликт России и коллективного Запада, управляемого гегемоном в лице США – от его решения зависит дальнейшая конфигурация мировой системы.

В итоге опора на управляемый хаос как на допустимый инструмент внешней политики создает ситуации, охарактеризованные как переворачи-

⁵ Польский политолог Э. Бендык приводит такой пример: «После 11 сентября 2001 года Джордж Буш располагал даже чрезмерным запасом страха, охватившим американцев. Чтобы продемонстрировать, насколько он достоин возлагаемых на него надежд, американский Президент решил расправиться с источником страха – терроризмом. Эта задача была невыполнимой, поэтому страх не уменьшился, что позволило предпринять следующие действия, которые имели мало общего с его изначальным источником (например, начать войну в Ираке)» [13].

вание геополитической «шахматной доски» [14]. Один из игроков, проигрывая или вырываясь вперед, сбрасывает все фигуры на этой доске, не дождавшись конца распланированной и просчитанной заранее партии и отрицая тем самым общие правила игры.

Развязывая себе руки и попирая принципы международных отношений, Запад пытается получить геополитические и геоэкономические преимущества. Однако историей доказано – с хаосом играть опасно. Конечно, международные отношения изначально носят анархический характер, в них отсутствует верховная власть и монополия на насилие. Но за этой анархией кроется баланс сил и интересов, растоптать который не под силу одному игроку, стремящемуся к гегемонии. «Экспортируя» хаос, непрерывно повышая ставки в агрессивной геополитической игре и вместе с тем возвращая систему международных отношений в состояние высоких рисков, невозможно избежать ответственности за свои действия. Так, например, в последние годы Евросоюз стал испытывать негативные последствия своей внешней политики на себе.

В своей последней большой работе «Ретротопия»⁶ [15] З. Бауман предполагает, что разрыв между властью и политикой, являющийся характерной чертой «текущего общества», и десоверенизация государств приводят к неспособности правительств выполнить свои обещания, порождая массовое разочарование электоратов в перспективах будущего улучшения условий жизни. В свою очередь, «ретротопия» апеллирует к прошлому как ориентиру для решения насущных проблем, с которыми не могут справиться современные государства. Таким образом, «потеряв всякую веру в идею построения альтернативного общества будущего, многие обращаются вместо этого к великим идеям прошлого, похороненным, но еще не умершим» [15], а «текущая современность» возвращается к «основам»: гоббсовской войне всех против всех.

Заключение

Таким образом, любая власть должна бороться с хаосом внутри страны и вовне ее. Мерилом порядка является соблюдение законов, принятых органами государственной власти и местного самоуправления, опора и общества, и государства на эти законы. Хаос провоцируется агрессивными попытками «во имя народа» показать, что власть является слабой и неспособной. Однако исторический опыт показывает, что власть может быть по-настоящему слабой и нелегитимной только тогда, когда перестает обслуживать общество, отворачивается от большинства. Однако кучка людей, провоцирующих хаос в стране, неспособна решать за большинство и определять то, что нужно всему обществу. Это тем более справедливо, когда нерезиденты (например, иностранные политики, СМИ и неправительственные организации) претендуют на то, чтобы представлять и защищать интересы общества. Несомненно, для приведения в порядок ситуации в стране допу-

⁶ «Ретротопия» по З. Бауману – возрождение националистических утопий, ориентированных на прошлое.

стим определенный (ограниченный законом) уровень насилия со стороны государства. Отмеченные социально-политические нормы являются предельным порогом равновесия и упорядочения, предохраняющим общество от необратимых негативных изменений и хаоса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Вебер М.* Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. 704 с.
- [2] *Волков Н.А.* Учение священного писания о божественном происхождении царской власти / Соч. законоучителя Губ. Воронежск. гимназии свящ. Николая Волкова. Воронеж: тип. Гольдштейна, 1868. 65 с.
- [3] *Каламанов В.А.* О власти: к политической философии государства и общества. М.: Ленанд, 2018. 368 с.
- [4] *Бауман З.* Текущая современность. СПб: Питер, 2008. 240 с.
- [5] *Шарп Дж.* От диктатуры к демократии: стратегия и тактика освобождения / 2-е изд., испр. М.: Новое издательство, 2012. 84 с.
- [6] *Naim M.* The End of Power: From Boardrooms to Battlefields and Churches to States, Why Being in Charge Isn't What It Used to Be. Basic Books, 2013. 320 p.
- [7] *Аттали Ж.* На пороге нового тысячелетия. М.: Международные отношения, 1993. 133 с.
- [8] *Иванов В.Г.* Кризис концепции «технократии» в контексте изучения постиндустриального общества // Вопросы гуманитарных наук. 2007. № 1 (28). С. 428–433.
- [9] *Громов А.* Страх как отвлекающий маневр: тактика политиков США // Федеральное агентство новостей. 13.01.2016. URL: <https://riafan.ru/495439--strah-kak-otvlekaushij-manevr-taktika-politikov-ssha>. Дата обращения: 10.10.2018.
- [10] *Иванова М.Г., Иванов В.Г.* Особенности методологии политической психологии в России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2019. Т. 15. № 2. С. 65–81.
- [11] *Иванова М.Г.* Психология власти в политологическом анализе // PolitBook. 2018. № 3. С. 157–171.
- [12] *Манн С.* Реакция на хаос // Intelros. 26.02.2007. URL: http://www.intelros.ru/2007/02/26/stiv_mann_reakcija_na_khaos.html. Дата обращения: 10.10.2018.
- [13] *Бендык Э.* Политика страха // ИноСМИ. Политика. 07.02.2014. URL: <http://inosmi.ru/world/20140215/217551694.html>. Дата обращения: 10.10.2018.
- [14] *Каламанов В.А.* Время преодоления: практическая философия российской идеи. М.: Весь мир, 2013. 400 с.
- [15] *Бауман З.* Ретротопия. М.: ВЦИОМ, 2019. 160 с.

Research article

Current Sources and Metamorphoses of Political Power: A Critical Analysis

V.A. Kalamonov

International Sustainable Energy Development Centre
under the auspices of UNESCO
Kedrov str., 8/1, Moscow, Russian Federation, 117292

Abstract. The article analyzes the processes of transformation and modification of political power caused by the processes of globalization. Based on a wide range of socio-

political theories and concepts, the author examines the problems of state governance, disintegration, and political stability of state power in the face of contemporary challenges and threats. The author critically analyzes modern theories, such as “the end of power”, “retrotopia” and “liquid society”. The author shows both the significant heuristic potential of these conceptual models and their limited capabilities for interpreting current socio-political reality. The article concludes that difficulties of implementation of public administration in current conditions should not detract from importance of quality public administration, the requirements for which are also increasing.

Keywords: power, governance, sovereignty, globalization, “color revolutions”

REFERENCES

- [1] Weber M. *Izbrannoe. Obraz obshchestva* [The Image of Society. Selected Works]. Moscow: Jurist; 1994. 704 p. (In Russ.).
- [2] Volkov N.A. *Uchenie svyashhennogo pisanija o bozhestvennom proishozhdenii carskoj vlasti. Soch. zakonouchitelja Gub. Voronezhsk. gimnazii svyashh. Nikolaja Volkova* [The Doctrine of the Holy Scripture about the Divine Origin of the Royal Power]. Voronezh: tip. Gol'dshtejna; 1868. 65 p. (In Russ.).
- [3] Kalamano V.A. *O vlasti: k politicheskoj filosofii gosudarstva i obshchestva* [On Power: To the Political Philosophy of State and Society]. Moscow: Lenand; 2018. 368 p. (In Russ.).
- [4] Bauman Z. *Tekuchaja sovremennost'* [Liquid Modernity]. Saint Petersburg: Piter; 2008. 240 p. (In Russ.).
- [5] Sharp J. *Ot diktatury k demokratii: strategija i taktika osvobodzhenija* [From Dictatorship to Democracy: Strategy and Tactics of Liberation]. 2nd ed. Moscow: Novoe izdatel'stvo; 2012. 84 p. (In Russ.).
- [6] Naim M. *The End of Power: From Boardrooms to Battlefields and Churches to States, Why Being in Charge Isn't What It Used to Be*. Basic Books; 2013. 320 p.
- [7] Attali J. *Na poroge novogo tysjacheletija* [On the Threshold of the New Millennium]. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija; 1993. 133 p. (In Russ.).
- [8] Ivanov V.G. Krizis koncepcii “tehnokratii” v kontekste izucheniya postindustrial'nogo obshchestva [Crisis of the Concept of “Technocracy” in the Context of the Study of Post-industrial Society]. *Voprosy gumanitarnyh nauk*. 2007; 1 (28): 428–433 (In Russ.).
- [9] Gromov A. Strah kak otvlekajushhij manevr: taktika politikov SShA [Fear as a Distraction: Tactics of the US Politicians]. *Federal'noe agentstvo novostej*. 13.01.2016. URL: <https://riafan.ru/495439--strah-kak-otvlekayushij-manevr-taktika-politikov-ssha>. Accessed: 10.10.2018 (In Russ.).
- [10] Ivanova M.G., Ivanov V.G. Osobennosti metodologii politicheskoj psihologii v Rossii [Russian Political Psychology: Specifics and Peculiarities of Methodology]. *Politicheskaja jekspertiza: POLITJeKS*. 2019; 15 (2): 65–81 (In Russ.).
- [11] Ivanova M.G. Psihologija vlasti v politologicheskom analize [Psychology of Power in Political Analysis]. *PolitBook*. 2018; 3: 157–171 (In Russ.).
- [12] Mann S. Reakcija na haos [Reaction to Chaos]. *Intelros*. 26.02.2007. URL: http://www.intelros.ru/2007/02/26/stiv_mann_reakcija_na_khaos.html. Accessed: 10.10.2018 (In Russ.).
- [13] Bendyk Je. Politika straha [The Politics of Fear]. *InoSMI. Politika*. 07.02.2014. URL: <http://inosmi.ru/world/20140215/217551694.html>. Accessed: 10.10.2018 (In Russ.).
- [14] Kalamano V.A. *Vremja preodolenija: prakticheskaja filosofija rossijskoj idei* [The Time of Overcoming: Practical Philosophy of the Russian Idea]. Moscow: Ves' mir; 2013. 400 p. (In Russ.).
- [15] Bauman Z. *Retrotopia*. Moscow: VCIOM; 2019. 160 p. (In Russ.).

Информация об авторе:

Каламанов Владимир Авдашевич – доктор юридических наук, Заместитель Председателя Совета управляющих Центра устойчивого энергетического развития под эгидой ЮНЕСКО (МЦУЭР) (e-mail: info@isedc-u.com).

Information about the author:

Vladimir A. Kalamanov – Doctor of Law, Deputy Chairman of the Governing Board, International Sustainable Energy Development Centre under the auspices of UNESCO (Russian Federation) (e-mail: in-fo@isedc-u.com).

Для цитирования:

Каламанов В.А. Современные источники и метаморфозы политической власти: критический анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2020. Т. 7. № 1. С. 7–24. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-1-7-24

For citation:

Kalamanov V.A. Current Sources and Metamorphoses of Political Power: A Critical Analysis. *RUDN Journal of Public Administration*. 2020; 7 (1): 7–24. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-1-7-24